

Судьба звука

Ян Смирницкий

Владимир Ашкенази — пианист и дирижер высочайшей пробы — задумал мировое турне, концовка которого удачно пришлась на Россию, на концерт в родном Большом зале Московской консерватории. За рубежом для турне подыскивались разные названия — «Музыка и диктатура», «Шостакович и Прокофьев под Сталиным». На русском это звучит немного вульгарно, но суть, думаю, сразу становится ясна.

На сцене смонтирована рама, через нее натянута большой белый экран. У дирижерского пульта — зачехленный дисплей, чтобы Ашкенази в момент демонстрации фрагментов из фильмов «Иван Грозный» на музыку Сергея Прокофьева, «Незабываемый 1919-й» и «Падение Берлина» на музыку Дмитрия Шостаковича попадал в картинку, поддерживал синхронность.

Ашкенази — дирижер очень тонкий: времени на репетицию с чужим оркестром «Новая Россия» (п/р Юрия Башмета) было не так много, но он точно и безукоризненно сопереживал каждой группе оркестрантов, не позволяя себе ни одного неопределенного жеста. Публика первых рядов вслед за его палочкой так и вертела головами с виолончелей на скрипки, со скрипок на флейты: самим хотелось подчиниться Ашкенази, настолько он был заразителен. Единственное, в чем его можно упрекнуть, — не играл бисы. Ну да бог с ними, Ашкенази их бесами считает.

Эйзенштейн предложил Сергею Сергеевичу написать музыку к «Ивану Грозному» в 1942 году. Сначала Прокофьев отсматривал тематический кусок фильма, потом Эйзенштейн образно живописал

свои пожелания: «Вот здесь должно звучать так, словно у матери вырывают из рук ребенка, а в этом месте сделай мне точно пробкой по стеклу!» Вернувшись домой, композитор с секундомером в руках писал эпизод за эпизодом, стараясь придерживаться всех пожеланий. С черно-белого экрана летели пушечные ядра, но через оркестр Башмета — Ашкенази все приобретало цвет, новую эмоцию.

Отчасти это было премьерное исполнение. Нет, фильмы смотрены-пересмотрены тысячу раз. Но из-за чисто технического несовершенства тех лет половина звукооряда просто исчезала. Музыку в полном, партитурном объеме, только смотря фильм, вы никогда не услышите.

После кантаты «Здравица» и «Грозного» Прокофьева на экране впервые появился Сталин, но уже под музыку

Дмитрия Шостаковича. Если помните, музыка помпезная, этак качается на ярких эффектных финалах — бой тарелок, гонга, колоколов. Но Ашкенази очень необычно сопоставляет ее с картинкой. Одно дело — «выключает» оркестр при лаконично-весомой речи вождя, но другое — совершенно неожиданно, прямо на ходу, по вдохновению монтирует «свою тему», свой формат. На мой вопрос, можно ли эту музыку считать прикладной, Ашкенази ответил: ни в коем случае.

Достоинство Ашкенази и его умение сопереживать почти мгновенно в него влюбляют. У него все получается талантливо, завидуешь его музыкальной пластике: любые ноты с любого места он превращает в музыку. Звук у него — не детище техники, звук обрывает судьбой.

Во втором отделении прозвучала Симфония №13 Дмитрия Шостаковича на стихи Евтушенко в исполнении оркестра, мужской группы Ка-

пеллы имени Юрлова и соло баритона Сергея Лейферкуса. Симфония состоит из пяти поэтических глав: «Бабий Яр», «Юмор», «В магазине», «Страхи» и «Карьера». Увы, вокальная декламация в концерте Ашкенази не стала событием; ее снова затмило любопытство музыкой. Исполнение стихов Лейферкусом было столь импозантным, представительным, как на кремлевском концерте в советские годы, что стиль «мемориала» был заменен какой-то иной эстетикой. В самом деле: певец — эстет, хор — эстет, да и дирижер себя тоже повел как эстет, выделяя каждый звук в отдельное наслаждение. Я бы сказал, ритуальное наслаждение партитурой. Думаю, это объясняется тем, что Ашкенази, замышляя мировое турне, выстраивал концерт универсально, поэтому в Тринадцатой-то и господствовала больше музыка, нежели закачка в зрителя кричащего пафоса Евгения Евтушенко.

Неопределенных жестов себе Ашкенази не позволяет. Фото ИТАР-ТАСС